

Кончина В

1985

Борис

МОСКОВСКИЕ НОВОСТИ № 37, 15 сентября 1985 г.

— Вячеслав Михайлович, как и когда вы встретились с мультипликатором?

— Сорок лет назад на елке в Колонном зале московского Дома союзов. Это было открытие на всю жизнь!

Профессиональную работу начинал на студии «Союзмультфильм» художником. Потом переквалифицировался в режиссеры, но до сих пор сам рисует каждый свой фильм.

Идея «Ну, погоди!» родилась у сценаристов Аркадия Хайта и Александра Курляндского. Это была вариация на заданную тему: «Не обижай маленько», а то сам попадешь в глупое положение». Когда лента вышла на экраны, мы получили огромное количество писем от детей и взрослых. Одно из этих писем помню до сих пор. Оно пришло от Вовы Бушуева. Там не было ни «здравствуйте», ни «до свидания», просто: «Прощу сделать мультфильм «Ну, погоди!» бесконечно и с продолжением. Вова». Тогда мы сняли еще четыре серии и решили, что пора закругляться. Знаете, как в спорте или балете — главное, вовремя уйти.

— Но этим дело не кончилось...

— Я выступал по телевидению, рассказывал ребятам о нашей работе и в конце дал сюжет в картинках. Изобразил волка, смотрящего в подзорную трубу, и зайца, бегущего по лестничной площадке. Потом заяц вскакивает на перила, катится вниз, а внизу его поджидает волк с мешком.

«Несмотря на все невзгоды и неприятности, на все сомнения и неудачи, обязуюсь всегда улыбаться сам и заставлять улыбаться других!» Прозвучала клятва верности смеху, и еще один человек стал обладателем ордена «Улыбки». Эта замечательная награда как знак признания и благодарности была вручена польским ребятами советскому режиссеру-мультипликатору Вячеславу Котеночкину за его фильм «Ну, погоди!». С новым кавалером ордена «Улыбки» беседует наш корреспондент Екатерина Пасхалова.

С «Улыбкой» за улыбку

Я просил ребят придумать, как интереснее, оригинальнее зайцу спастись из этого мешка. Результат оказался неожиданным. Через несколько дней после передачи подъехала машина Центрального телевидения и сгрузила семь огромных мешков. Там было порядка тридцати тысяч писем, написанных на разных языках, присланых со всех концов Союза.

Ребята рисовали, лепили, выжигали... Мы поняли, что так просто от «Ну, погоди!» не отделаемся. Одна девочка из Казахстана написала: «Мне очень нравится мультфильм «Ну, погоди!», и я готова смотреть его продолжение до конца своей жизни». Некоторые интересовались, почему все приключения в фильме происходят летом, и наставляли: «Сделайте зимние!» А перед восьмой, последней, как мы думали, серией, я получил письмо угрожающего характера... Вскрываю конверт, достаю тетрадный листок, там написано: «Ну, Котеночкин, погоди!» Может быть, это и послужило толчком для создания еще четырех серий. На тридцатой решили: «Все, больше никогда!» Но с тех пор прошло четыре года, письма приходить не прекращают, авторы сценария говорят, что накопился материал...

— О чём же новая серия?

— Там все приключения происходят в Доме юного техника среди различных современных аппаратов, роботов и т. д. А как раз сегодня мы приступили к пятнад-

цатой серии. Она идет у нас под кодовым названием «Алло, мы ищем таланты». Это будет дардия на современный эстрадный концерт. К концу года она должна выйти на экраны.

— Вячеслав Михайлович, волк и заяц появились на свет одинаково легко? Вы сразу представили их себе такими, какие они сегодня?

— Зайца я нарисовал сразу, получился пухленький, мягкий, с розовыми щечками, с голубыми глазами, положительный заяц. А волк долго не получался: то слишком глупый, то слишком злой. Как-то я выходил из студии, иду к метро, смотрю, стоит парень — длинные черные волосы, в толстых губах сигаретка, грудь впалая, кругленький животик. Я посмотрел на него и подумал: «То, что нужно». Нарисовал шарж на этого парня в образе волка. Кстати, с тех пор, с конца 60-х, мы волку одежду так и не меняли. Это уже своеобразная клоунская маска. Мы намеренно сохраняли волка, каким он был: в розовой рубашке, иногда с зеленым бантом, весь растерзанный.

Сейчас мы получаем очень много писем от ребят с сочувствием волку, например, таких: «Мне становится жалко волка, как ему, белому, достается, сделайте так, чтобы один раз досталось и зайцу». Дело в том, что мы не питаем ненависти к волку и огромной любви к зайцу, они нам одинаково дороги, тем более потому, что

изначально нами взята цирковая основа. В цирке работают, например, два клоуна, белый и рыжий; белый делает все правильно, рыжий — все неправильно, но симпатии зрителей чаще бывают на стороне рыжего, поэтому сочувствие волку не очень нас удивляет.

— Расскажите, пожалуйста, про орден «Улыбки».

— Его учредили польские ребята. У них существует специальный комитет по присуждению этой награды. Я в Советском Союзе — пятый человек, получивший такой орден. Вручал мне его польский писатель Шимановский, которого советские зрители знают как автора сценария фильма «Четыре танкиста и собака». Ритуал вручения был очень трогательным, но в то же время достаточно жестким. Мне было поручено выпить огромный фужер кисляшего лимонного сока и при этом улыбнуться. Я должен был произнести клятву, потом меня ударили по плечу алоей розой и произвели в кавалеры ордена «Улыбки».

— Как вы считаете, за каким мультфильмом будущее, за рисованным, кукольным?

— Я никаких разграничений между ними не делаю. Другое дело, что есть хорошие и плохие мультфильмы.

— А как вы относитесь к пластиниковым фильмам?

— Очень хорошо. Столько выдумки! Я приветствую такие поиски.

— Прошло почти 20 лет со времени создания первого фильма «Ну, погоди!». Изменилось ли детское восприятие картины, судя по письмам?

— Конечно. Если по первым отзывам можно было судить, что дети обращают внимание лишь на развлекательную сторону, то сейчас более серьезные письма. Например, 14-ю серию мы сделали на основе современной технологии, автоматики, потому что ребятам это интересно, им это нравится. Иногда мы получаем от них объемные сценарии.

— Вы хоть раз воспользовались ими?

— Впрямую нет, но в любом случае что-то откладывается. В последнее время очень много просыб сделать космическую серию. Уже начинаем над этим задумываться.

— Дисней говорил, что юмор должен вызывать не только смех, но и слезы. Вы с этим согласны?

— Смех сквозь слезы — самый дорогой смех. Творчество лучших мастеров экрана зачастую построено именно на этом.